

кс. Иосиф Свидницкий

Из истории пастырского служения История пастырской работы на территории Казахстана, Средней Азии и России.

(Текст рассказа подвергнут минимальной правке с целью сохранить особенности разговорной речи о. Иосифа. По возможности сохранены речевые обороты).

История моей пастырской работы в Средней Азии началась с Северного Казахстана: **Кокчетав, Целиноград и Караганда**. В Караганду в первый раз я приехал 24 года тому назад. Как сейчас помню, служил Мессу в старой землянке. В городе тогда я пробыл три дня, рано утром перед отъездом отслужил Мессу и улетел в Алма-Ату через Балхаш к о. Патырейко (он умер 5-6 лет тому назад в монастыре на Украине). В Алма-Ате он проработал 30 лет. Я очень хотел с ним познакомиться. Со мной был один человек, родом из Кокчетава, который меня сопровождал. Ведь, если бы я приехал один, то вызвал бы подозрения, и мне бы не поверили. Именно этот человек и познакомил меня с отцом **Александром Хирой**, тайным епископом. И, будучи ещё в Караганде, я встретился с о. Иосифом и о. Стефанием, греко-католиками.

Во Фрунзе (Бишкек) я встретился с о. Михаилом Келлером, прелатом, последним немецким священником Саратовской диоцезии. Отец Михаил порекомендовал мне поехать в Душанбе, где местные власти пообещали зарегистрировать приход. И я полетел туда. У меня был договор, что я где-то припишусь, год поработаю тайно и только потом явлюсь как священник. Но меня продали уже на четвёртый день. Когда люди пошли регистрировать приход, то у них спросили: «Кто у вас будет, если нет священника»? Они ответили: «Священник есть». Когда мне сказали, что меня ждут в Министерстве, то я подумал, что мне дадут два часа на то, чтобы я убрался. Власти имели зуб на меня ещё по Прибалтике. Но я остался. Вначале люди меня не знали. Я приходил на кладбище, где они собирались, пока не купили дом, это произошло вскоре после моего приезда. А до тех пор я ездил в Фергану, Бахты-Коль (посёлок в Чимкентской обл.), п. Славянка. После того, как зарегистрировали приход, мне дали разрешение на неделю, потом на 10 дней, потом на месяц. Так я пробыл полгода, и меня приписали, хотя я уже не надеялся. Так я проработал в Таджикистане 5 с лишним лет. С самого начала людей было мало, но потом прибывало всё больше и больше. Думаю, что большую роль в этом сыграла молодёжь. Я с ними проводил беседы по несколько часов, иногда мы гуляли по городу. Я им сказал: «Помогите мне. Вы можете с работы, из школы привести своих друзей, знакомых». И так они потихоньку за один год привели 300 человек, только молодых людей. И потом, они стали моими миссионерами, которых я мог послать в деревню за 100 км в другой район, встретиться с молодёжью, поговорить. Так молодые люди подготовили почву. За 2-3 года у меня было уже 2 храма. В Душанбе был построен храм на 700 человек и в Курган-Тюбе - примерно на 500 человек. В Акше была самая молодая община - 80 человек, из которых 60 % составляла молодёжь. Власти дали мне разрешение работать, посещать все районы и знакомиться с людьми, но взамен я должен был притушить эмиграционные настроения и обо всём их информировать. Но я ничего не выполнил. Чтобы создать общины, я использовал время даже ночью. Когда власти поняли, что от меня они не смогут ничего добиться, то запретили мне поездки. И тогда я решил спокойно, пока меня не сняли с регистрации, уехать, иначе потом у меня были бы проблемы. Я улетел в Новосибирск. Я хотел где-то в центре России создать хоть один приход. Восемь месяцев я блуждал по Сибири, Уралу, Кавказу и Поволжью. В тот год нам удалось создать приходы в Томске, Омске, Новосибирске, Челябинске. Как только собрал 20 человек, то просил кого-нибудь, чуть ли ни на коленях, чтобы подал список властям для регистрации. Также ездил в Красноярск, но там у меня ничего не вышло. В Красноярском крае я посещал только деревни. Когда встал вопрос, или где-то уже осесть, или же продолжить поездки, я решил остался в центре Сибири - в Новосибирске. Поначалу власти приняли меня хорошо, но потом, когда раскопали моё прошлое и узнали, что я создавал какие-то подпольные молодёжные миссионерские группы в Душанбе и других городах, то стали обвинять: Виноват, виноват, виноват, бесконечно виноват. Хотя мне казалось, что я там ничего плохого не сделал.

Меня арестовали. К аресту я готовился, потому что в Москве и других городах арестовали моих друзей. У нас было несколько тайных групп, функционирующих без ведома властей, куда входили экуменические группы, в которых собирались протестанты, православные, католики, иудеи и буддисты. Мы вместе проводили чаепитие, беседы, молитвы, во время которых каждый молился по-своему, т.е. так, как было принято в той или иной религии. Арестовав, власти мне дали три года. Сидел я недолго, т.к. началась перестройка. Посадили меня перед Рождеством 1984 года. Советская власть посчитала, что я заслужил 8,5 лет, но учитывая положительные отзывы с места работы и с приходов, где я работал, а также тот факт, что меня арестовали впервые, для профилактики дали 3 года трудового режима. Работал я на пилораме; мы пилили доски и относили их в цех, где делали инструментальные ящики. На пилораме я проработал месяц, а потом меня перевели на норму, бить ящики. За 7 часов надо было забить 3 тыс. гвоздей. Конечно, у меня не получалось. Норма была 50 ящиков, а я еле-еле делал 7-8. Но потом через какое-то время наловчился и даже перевыполнял план. Каждый день 115-120 % плана.

После освобождения я вернулся в Новосибирск. Пришли власти, стали возмущаться, по поводу того, что как только я приехал на приход, то сразу начал служить Мессу без разрешения властей. Это было криминалом. Но я им сказал: « Буду служить, можете хоть сейчас арестовывать, тяжелее той работы, которую делал, не дадите». Всё было: и холод, и голод. Даже если на улице было минус 44, мы должны были работать. Одеть можно было только то, что давали: фуфайка, шапка и никаких тебе свитеров. Даже не знаю, как я только туберкулёзом не заболел.

После тюрьмы поехал по старым местам, и меня приняли в Фергане. С осени 1988 г. я начал посещать Сибирь: Омск, Челябинск и деревни. Две недели я дома, а две недели - в поездках по Казахстану и Узбекистану. Разъезжал, где только можно было собрать людей; находил дом или просился куда-нибудь, чтобы люди приняли. Я ставил в известность властей и беспрепятственно работал. Зарегистрированные приходы были в Фергане, в Ташкенте и ещё 2 прихода. В Караганду после смерти о. Александра Бенья приехал из Польши священник, который потом приехал ко мне в Узбекистан. Вместе со мной он посетил приходы в Сибири и Ср. Азии. Он остался в Ташкенте, ему там понравилось, а я уехал в Омск, где уже было спроектировано место и дано разрешение властей на строительство храма. Вот по этой-то причине я и уехал в Сибирь.

Мне удалось построить только два храма, хотя хотел больше. В Челябинске храм достроили уже без меня. Это самый большой собор, я так считаю, от Урала до Владивостока.

До сих пор я был в Сибири. Год, как я уехал из Омска. Один священник на Украине пригласил меня в небольшой посёлок, где жителей всего 10 тыс., из них 5 тыс. католиков. Храм посещает 2,5 тыс., 800 из них - дети и молодёжь.

Церкви требуется реставрация. Когда приезжаю в Германию, прошу деньги. Благодаря помощи друзей-священников мы закончили реставрацию куполов. Сейчас меня пригласили в Новосибирск, где проходили дни памяти жертв. А в Казахстан меня пригласил в гости Администратор о. Томаш Пэта. Я в восторге от того, что увидел в Астане и в Караганде. В Караганде мне удалось побывать у сестёр Кармелиток и в семинарии. Но большим сюрпризом было для меня встретить здесь священника о. Жана Люка, работающего в Курган-Тюбе и узнать обо всём, что происходит в Таджикистане. Я представлял себе, что здесь всё умирает, всё опускается на дно, а здесь, я вижу, всё растёт

<http://www.catholic-kazakhstan.org/Credo/index.htm>